

УДК 342(476)

О ФОРМАХ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н.А. РАХАНОВА

(Белорусский государственный университет, Минск)

Анализируются формы контроля конституционности международных обязательств Республики Беларусь, факторы, определяющие конституционное закрепление специализированного конституционного контроля в рассматриваемой сфере, а также приоритеты выбора последующего либо предварительного конституционного контроля. Обосновывается значимость предварительного специализированного (судебного) конституционного контроля в отношении международных договоров, изучается юридическая природа принимаемого по результатам контроля решения и определяется необходимость установления четких правовых последствий принятия Конституционным Судом Республики Беларусь такого решения. Исследуется сущность и содержание законодательных актов о выражении согласия государства на обязательность для него международного договора. Вводится понятие «ратификационного закона», отмечается специфика содержания и процедуры принятия соответствующих актов, порождающих необходимость установления особого порядка реализации контрольных полномочий в отношении их норм.

Введение. Вопрос о конституционности международных договоров находится в точке соприкосновения проблем верховенства Основного Закона и принципа соблюдения государствами принятых на себя международных обязательств. Смысл конституционного контроля в рассматриваемой сфере заключается в том, чтобы ограничить возможность появления в национальной правовой системе международно-правовых норм, противоречащих конституции, и одновременно не допустить ответственности государства за несоблюдение международных обязательств.

Вопросам конституционности международных договоров традиционно уделяется пристальное внимание в юридической науке. Обращает внимание детальная теоретическая проработанность вопросов реализации полномочий в указанной сфере Конституционным Судом Российской Федерации.

Наличие в государстве специализированного контроля конституционности международных обязательств, а также выбор формы такого контроля (предварительный или последующий) в значительной степени обусловлен способом признания государством обязательности для себя норм международного права, в том числе и характером взаимодействия законодательной и исполнительной власти в данной сфере, а также иерархическим положением договорных норм в правовой системе. При этом даже те государства, где институт специализированного конституционного контроля, в том числе и превентивного, чужд в силу исторических условий формирования правовой системы, стараются обеспечить защиту Основного Закона от неконституционного вмешательства во внутреннюю правовую систему, однако при этом безоговорочно отстаивается принцип добросовестного выполнения международных обязательств (*pacca sunt servanda*), и в случае необходимости обеспечивается соответствие нормам международных договоров законодательства, в том числе и положений конституции.

Положения Конституций Дании, Норвегии, Швеции свидетельствуют о том, что международные договоры сами по себе частью внутригосударственного права не признаются и не могут применяться: их содержание в той или иной форме должно быть воспроизведено в национальном законодательстве. По этой причине основной объем проверки международных обязательств осуществляется преимущественно в рамках внутригосударственного законодательного процесса, чем изначально и обеспечивается невозможность прямой коллизии норм, имеющих международно-правовое происхождение, с внутренним правом. Инкорпорирующие законы, с одной стороны, уступают по юридической силе конституции. С другой – статус таких законов уравнивается с внутригосударственными нормативными правовыми актами аналогичного уровня, что в свою очередь таит в себе потенциальную угрозу реализации договорных обязательств, поскольку последующий закон может отменить предыдущий (принцип *lex posterior derogat priori*). Однако в процессе правоприменения проблема сглаживается судебным толкованием.

В государствах, где международные договоры включаются в правовую систему посредством специальных санкционирующих предписаний по применению, выраженных в форме закона, проверка конституционности таких соглашений может быть осуществлена специализированным органом как в форме предварительного (Германия), так и последующего (Австрия, Италия) специализированного конституционного контроля. При этом даже возможность признания действующего международного договора неконституционным прямо не

угрожает реализации обязательств этими государствами. Органы конституционной юстиции могут в зависимости от формы контроля: а) констатировать необходимость внесения изменений в Основной Закон до вступления международного договора в силу и тем самым фактически не допустить инкорпорации норм международного права без соответствующих поправок (Федеральный Конституционный Суд Германии); б) обязать конституционные органы предпринять в соответствии с условиями договора и нормами международного права меры к прекращению действия договора или его изменению (Конституционные Суды Австрии, Италии).

Превентивный конституционный контроль в отношении международных договоров наиболее активно осуществляется специализированными судебными (квазисудебными) органами в государствах, воспринявших «автоматическую интеграцию» [1, с. 119] международных договоров в национальную правовую систему (Венгрия, Польша, Россия, Украина, Франция), допускающую применение норм международных договоров в национальной правовой системе без необходимости издания дополнительных актов законодательного или административного характера.

Основная часть. Некоторая юридическая неточность формулировки абзаца 1 части 4 статьи 116 Конституции Республики Беларусь, тем не менее, не оставляет сомнений в ретроспективном характере контрольных полномочий Конституционного Суда в отношении международных договоров, поскольку именно в таком контексте можно вести речь о «международных договорных обязательствах». Недействующий договор не может порождать обязательств для государства. По крайней мере, именно в этом смысле рассматриваемое законодательное решение подвергалось активной критике.

Преобладающим является мнение о том, что в отношении международных договоров в наибольшей степени оправдывает себя именно предварительный конституционный контроль (Г.А. Василевич [2, с. 105], А.И. Зыбайло [3, с. 102], А.Н. Пугачев [4, с. 96]).

В то же время некоторым исследователям возможность осуществления конституционного контроля в отношении уже вступивших в силу международных договоров видится не критичной. Например, А.В. Барбук утверждает о целесообразности последующего конституционного контроля в отношении международных договоров [5, с. 67], несмотря на негативные последствия, поскольку такой вид контроля выступает дополнительной гарантией защиты интересов государств. Позиция автора сводится к тому, что конституционное законодательство может изменяться вопреки существующим международным обязательствам государства, в связи с чем не исключено, что вопрос о конституционности отдельных положений международных договоров может возникнуть и тогда, когда договор находится в силе для государства.

Однако такое мнение представляется не бесспорным. В статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1996 года отражен принцип добросовестного выполнения международных обязательств, исторически существовавший в международном праве в качестве обычая (*acta sunt servanda*). В развитие данного принципа конвенция запрещает участнику ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договоров (статья 27), равно как и в качестве основания недействительности его согласия на обязательность международного договора (статья 46) [6]. Из этого правила допускается только одно исключение: случаи *явного нарушения* норм внутреннего права *особо важного значения*. К таким нормам допустимо относить конституционные нормы, однако в силу требований статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров ссылка на них возможна лишь в том случае, если она касается компетенции заключать договоры (применительно к белорусской ситуации это, вероятно, будут случаи нарушения абзаца 20 статьи 84, а также абзаца 2 статьи 97 и абзаца 1 статьи 98 в совокупности со статьей 100 Конституции Республики Беларусь). Только при таких ограниченных обстоятельствах признание международного договора неконституционным может быть основанием для отказа от исполнения Республикой Беларусь принятых на себя обязательств по международному договору.

Представляется, что противоречие положений международного договора другим нормам, даже конституционного права, влиять на реализацию международных договорных обязательств не может вне зависимости от времени создания этих норм и их последующего изменения.

Кроме того, в смысле норм статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров очевидно оценочным является понятие «явного нарушения». По справедливому замечанию С.В. Шульги, соответствующей единообразной трактовки и официального толкования нет и быть не может в связи с объективным несоответствием правовых систем государств. Поэтому один или несколько участников договора будут расценивать такие нарушения как явные и считать такой договор относительно недействительным для себя, а другие участники этого же договора не будут считать их явными и будут требовать от контрагентов выполнения договора всесторонне, полно, надлежащим образом и в срок. Анализируемая ситуация, по мнению автора, потенциально представляет благодатную почву для возникновения международного конфликта [7, с. 7].

Ввиду отсутствия в абзаце 1 части 4 статьи 116 Конституции Республики Беларусь специального указания на способы выражения согласия на обязательность международного договора можно сделать вывод о допустимости проверки конституционности любого межгосударственного или межправительственного договора Республики Беларусь, в том числе и ратифицированного. Однако при ближайшем рассмотрении такая позиция уже не кажется столь очевидной. Обращает на себя внимание возможность проверки международных договорных обязательств Республики Беларусь на предмет соответствия не только Конституции, но и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь. Возникает вопрос, может ли Конституционный Суд оценивать соответствие одного ратифицированного международного договора другому, обладающему таким же статусом? И какой международный акт в данном случае будет являться критерием соответствия при противоречии содержащихся в них норм?

Зыбайло А.И., столкнувшись с подобной проблемой, пришла к выводу, что предметом рассмотрения в Конституционном Суде Республики Беларусь могут быть только нератифицированные и не подлежащие ратификации договорные и иные обязательства Республики Беларусь [3, с. 102].

В то же время термин «ратификация» имеет принципиальные различия в содержании по праву международных договоров и в соответствии с национальным законодательством. Согласно абзацу b части 1 статьи 2 Венской конвенции о праве международных договоров ратификация наряду с принятием, утверждением и присоединением является *международным актом*, посредством которого государство выражает в международном плане свое согласие на обязательность для него договора [6]. В то же время Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах» подчеркивается национальный характер акта ратификации указанием на его форму – закон, принятый Национальным собранием Республики Беларусь (ч. 1 ст. 20) [8]. На двойственный характер ратификации указывал И.И. Лукашук, отмечая, что ратификация в конституционном смысле представляет собой акт компетентного органа государства, выражающий согласие быть связанным договором. В международном плане ратификация представляет собой процесс, с помощью которого это согласие обретает международно-правовое значение, порождает международные последствия [9, с. 412].

Кроме того, спорной представляется позиция законодателя о приоритетном положении именно ратифицированных международных договоров и использовании их в качестве «эталона» конституционности. С точки зрения международного права юридическая сила договора не определяется способом выражения согласия государства на его обязательность. Если же обратиться к требованиям белорусского законодательства, то необходимость ратификации договора обусловлена вторжением акта в сферу законодательного регулирования или предполагаемым ограничением государственного суверенитета (ст. 19 Закона о международных договорах [8]). Однако такие же последствия может повлечь международный договор, согласие на обязательность для Республики Беларусь которого выражается путем присоединения к договору или правопреемства в отношении такого договора. Имплементация соответствующих норм в национальную правовую систему Беларуси осуществляется посредством такой же парламентской процедуры, как и норм ратифицированных договоров. Это позволяет поддерживать точку зрения тех ученых, которые сомневаются в более высоком статусе ратифицированных договоров по отношению к иным договорам, опосредованным законом [3, с. 104].

Обращает на себя внимание еще и некоторая двусмысленность формулировки пунктов 1.1 и 1.2 Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» (далее – Декрет № 14) [10] в части указания на контроль *конституционности* соответствующих нормативных правовых актов. По смыслу статьи 116 Конституции Республики Беларусь под понятие конституционности подведено соответствие нормативных правовых актов и договорных обязательств не только Конституции, но и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь. Следует ли в таком же смысле понимать указанные нормы Декрета № 14? Ведь соответствующие полномочия согласно положениям Декрета № 14 осуществляются *наряду* с полномочиями, установленными Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, воспринявшем отраженное в Основном Законе понятие конституционности.

Из сферы как последующего, так и предварительного контроля в Республике Беларусь необоснованно исключены временно применяемые международные договоры.

Венская конвенция о праве международных договоров предусматривает возможность временного применения международных договоров до вступления их в силу (ст. 25) [6]. Требования конвенции были восприняты и законодательством Республики Беларусь, однако возможность специальной проверки их конституционности предусмотрена не была.

Конституционная практика зарубежных государств демонстрирует немало примеров допустимости осуществления конституционного контроля в отношении актов о выражении согласия государства на обязательность для него международного договора (как правило, актов о ратификации), причем как в

превентивной, так и в ретроспективной форме. Такой объект конституционного контроля появился в практике зарубежных судебных и квазисудебных органов в силу различных причин, но преимущественно для обоснования необходимости осуществления проверки конституционности положений собственно международных договоров, поскольку не всеми конституциями предусматривается возможность проверить соответствие Основному Закону международных обязательств государства.

Например, Конституционный Суд Италии не вправе контролировать конституционность международных договоров, однако в силу требований статьи 134 Конституции Итальянской Республики он выносит решения по спорам о конституционности законов [11, с. 448]. Особенность итальянской имплементационной процедуры предполагает парламентское разрешение на ратификацию отдельных международных договоров, выраженное в форме закона (ратификация договора осуществляется Президентом). Поэтому несмотря на то, что напрямую Конституционный Суд Италии не оказывает влияния на реализацию международных договорных обязательств в национальной правовой системе, при проверке конституционности законов, принятых в целях осуществления международных договоров, Суд устанавливает, хотя и косвенным образом, соответствие Конституции вступивших в силу для Италии международных договоров, так как содержание таких законов определяется именно ими. При этом, как отмечает Б.И. Осминин, признание неконституционным имплементационного закона может практически парализовать реализацию во внутригосударственной сфере соответствующего международного договора или отдельных договорных положений. Если решение конституционного суда ведет к невозможности внутригосударственного осуществления тех или иных договорных постановлений, то перед правительством возникает необходимость их пересмотра по согласованию с другими участниками договора [1, с. 97 – 98].

По сути, недостатки последующего конституционного контроля здесь проявляются также очевидно, как и при реализации контрольных полномочий в отношении самих международных договоров. Лишение международного договора юридической основы применения в правовой системе также может повлечь неисполнение международных обязательств, возложенных на государство, а следовательно и применение мер международно-правовой ответственности.

Наличие «двойного» объекта конституционного контроля в рассматриваемой сфере в зарубежных государствах также имеет под собой вполне объяснимые основания. Показателен в этом смысле пример Франции. Конституционный совет постепенно расширил сферу реализации контрольных полномочий в отношении ратификационных законов на содержание международных соглашений. Так, в Решении от 17 июля 1980 года в деле о конвенции о франко-немецком юридическом содействии, Конституционный совет определил, что запрос о конституционности закона, позволяющего ратификацию конвенции, влечет рассмотрение вопроса о конституционности самой конвенции [12, с. 34].

Фактически в настоящий момент во Франции существует две самостоятельные процедуры проверки международных договоров (в порядке ст. 54 Конституции, в соответствии с которой Конституционный совет может быть запрошен на предмет выявления положений международного соглашения, противоречащих Конституции, до его ратификации, и в порядке абзаца 2 статьи 61 Конституции, предусматривающего проверку ратификационного закона до окончательного голосования по нему Парламента [13]). Различие между указанными процедурами имело принципиальное значение только до 1992 года из-за разницы перечней субъектов, уполномоченных инициировать контрольную процедуру в Конституционном Совете. До проведенной реформы права запроса Конституционного Совета на предмет конституционности международных соглашений были лишены депутаты и сенаторы палат Национального собрания, поэтому только часть 2 статьи 61 Конституции позволяла парламентскому меньшинству оспорить конституционность международного договора.

Изложенные факты позволяют выделить следующий важный момент. Практика органов конституционного контроля в отношении актов о выражении согласия государства на обязательность для него международного договора демонстрирует неразрывную связь международного акта и опосредующего его применение в национальной правовой системе нормативного правового акта. Эта связь обусловлена особым характером составляющих его норм. Как правило, имплементационный акт содержит нетипичные правовые нормы, получившие в общей теории права наименование оперативных [14, с. 56]. Такие нормы определяют вступление в силу, пролонгацию, отмену, действие в пространстве и по кругу лиц правовых норм, не устанавливая конкретных правил поведения. Именно по этой причине, видимо, для такого рода законопроектов предусмотрена упрощенная процедура голосования палатами Национального собрания Республики Беларусь. Соответствующий акт не претерпевает изменений в ходе парламентских процедур: голосование осуществляется в целом по законопроекту. Однако в связи с принятием Декрета № 14 отчетливо проявилось разграничение конституционного контроля в отношении законов о выражении согласия Республики Беларусь на обязательность международных договоров и собственно международных договоров.

В соответствии с пунктом 1.1 Декрета № 14 [10] Конституционный Суд Республики Беларусь осуществляет обязательный предварительный контроль конституционности всех законов (следовательно, и законов о выражении согласия Республики Беларусь на обязательность международных договоров), проголосованных Парламентом до их подписания Президентом. Практика деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь в данной сфере показывает, что орган конституционного контроля не выходит за пределы формальной проверки конституционности таких законов, оценивая правильность выбора формы акта и соблюдения парламентской процедуры. В то же время такой подход не исключает возможности появления в правовой системе Республики Беларусь неконституционных международных договоров и, следовательно, не устраняет возможности наступления негативных последствий ретроспективного конституционного контроля в отношении международных соглашений. Факультативность контроля конституционности собственно международных договоров (п. 1.2 Декрета № 14 [10]) также не служит этим целям.

Выражение согласия Республики Беларусь на обязательность для нее международного договора может быть опосредовано принимаемым парламентом законом в случае ратификации международного договора, присоединения к нему либо правопреемства государства в отношении такого договора. Все указанные законы можно условно определить как «ратификационные», поскольку вне зависимости от способа выражения согласия на обязательность международного договора такие акты принимаются на основании одинаковой законодательной процедуры и должны обладать равной юридической силой. Исходя из особого статуса ратификационных законов предполагается, что их конституционность не может оцениваться в отрыве от содержания международного договора и исключительно по формальным критериям.

В Республике Беларусь в связи с принятием Декрета № 14 сложилась в определенной степени парадоксальная ситуация. Обязательный материальный контроль конституционности международных договоров осуществляется Министерством юстиции Республики Беларусь до ратификации соответствующего соглашения, тогда как техническая по своему характеру функция формального контроля ратификационных законов отведена Конституционному Суду. Обоснованность предоставления соответствующих полномочий Министерству юстиции неоднократно подвергалась сомнению белорусскими учеными (С.М. Колосом, Г.А. Василевичем [15, с. 72]). Действительно, оценка положений международных соглашений на предмет их конституционности, причем в форме обязательного, а не факультативного контроля, должна реализовываться именно специализированным органом конституционного контроля, способным оценивать соответствие таких актов не только в норме, но и в духе конституционных положений.

Открытым остается вопрос и о правовых последствиях принятия Конституционным Судом Республики Беларусь решений по результатам проверки конституционности как международных договоров, так и ратификационных законов.

Разночтения начинаются уже исходя из формулировки пунктов 1.1 и 1.2 Декрета № 14. Почему в одном случае (в отношении законов) употребляется понятие *предварительного конституционного контроля*, а в другом (в отношении международных договоров) указывается на необходимость изложения *позиции о конституционности*? Обе процедуры в конечном счете должны быть опосредованы решением Конституционного Суда. Предполагает ли разница формулировок разницу в статусе соответствующих актов Суда. Ни Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, ни Закон Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь», ни Регламент Конституционного Суда необходимого ответа на этот вопрос не дает.

Вероятно, это еще один случай, когда Конституционный Суд выносит по итогам проверки конституционности правовой акт рекомендательного характера в отличие от заключения, которое в соответствии со статьей 38 Закона Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» является окончательным и обжалованию и опротестованию не подлежит [16]. Первый случай использования таких полномочий относится к реализации статьи 43-1 Регламента Конституционного Суда Республики Беларусь [17].

Представляется, что в Законе «О Конституционном Суде Республики Беларусь» должны быть четко прописаны юридические последствия принятия соответствующего решения белорусским органом конституционного контроля:

1) в случае установления нарушения порядка заключения международного договора, в том числе предусмотренного национальным законодательством (неконституционность соглашения или ратификационного закона по формальным основаниям), подлежит возобновлению соответственно международная или национальная процедура установления норм международного договора. В противном случае международный договор не подлежит введению в действие на территории Республики Беларусь любым из предусмотренных международным правом способов, в том числе и путем временного применения;

2) при несоответствии Конституции содержания международного договора (материальные основания) соответствующее соглашение не может быть введено в действие до приведения норм Основного

Закона в соответствии с положениями международного договора либо изменения условий самого международного договора по согласованию с иными сторонами;

3) в случае отсутствия оснований для признания рассматриваемых актов неконституционными должна быть без необоснованного промедления завершена ратификационная процедура.

Представляется, что выявления перечисленных фактов в порядке последующего контроля целесообразно избегать.

Заключение. Установление конституционного контроля должно прежде всего служить правовым средством обеспечения баланса между принципом добросовестного выполнения международных обязательств и принципом верховенства конституции в национальной правовой системе. По этой причине отстаивается позиция о необходимости осуществления обязательного превентивного конституционного контроля в отношении международных договоров, согласие на обязательность которых может быть выражено Республикой Беларусь посредством закона. Недостатки последующего контроля в рассматриваемой сфере явно превалируют над его преимуществами.

Исходя из особого статуса ратификационных законов, их конституционность не может оцениваться в отрыве от содержания международного договора исключительно по формальным критериям.

Следует предусмотреть возможность проверки конституционности международных договоров, в том числе предполагаемых к временному применению, и проектов законов о выражении согласия Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующих актов до их направления в парламент для голосования. При этом компетенцией в указанной сфере должен обладать в первую очередь Конституционный Суд Республики Беларусь.

Необходимо установление более длительного срока проверки соответствия Конституции международного договора в целях обеспечения более качественной реализации Конституционным Судом полномочий в указанной сфере.

Международные соглашения, подлежащие имплементации в национальную правовую систему Республики Беларусь посредством закона, должны проверяться на предмет соответствия ранее заключенных международных договоров, согласие на обязательность которых выражено в такой же форме.

Очевидно, что на данном этапе созданный в Республике Беларусь механизм осуществления конституционного контроля в отношении международных договоров, несмотря на разнообразие форм, оставляет больше вопросов, чем конструктивных решений. Возможно, остается дожидаться обращения в Конституционный Суд Республики Беларусь по вопросу конституционности международного договора или признания неконституционным ратификационного закона, чтобы законодательный механизм получил необходимую практическую реализацию, что способствовало бы некоторой корректировке спорных формулировок и совершенствованию процедур конституционного контроля в рассматриваемой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осминин, Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств / Б.И. Осминин. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 386 с.
2. Василевич, Г.А. Нормативные правовые акты государственных органов Республики Беларусь / Г.А. Василевич. – 2-е изд., доп. – Минск: Право и экономика, 2001. – 235 с.
3. Зыбайло, А.И. Некоторые проблемы конституционного контроля за соответствием международных договоров конституции государства / А.И. Зыбайло // Имплементация норм международного права в национальное законодательство: теория и практика: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. органов конституционного контроля стран молодой демократии, Минск, 31 мая – 1 июня 2001 г.; Конституционный Суд Респ. Беларусь; редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. – Минск, 2001. – С. 101 – 105.
4. Пугачев, А.Н. Судебный конституционный контроль: учеб.-метод. компл. для магистр. юрид. спец. / А.Н. Пугачев. – Новополоцк: ПГУ, 2009. – 388 с.
5. Барбук, А.В. Непосредственное применение норм международных договоров в национальных правовых системах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / А.В. Барбук; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2007. – 116 с.
6. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (вступ. в силу 27.01.1980) // Консультант Плюс: Высш. шк. [Электронный ресурс]; АО «Консультант Плюс». – М., 2009.
7. Шульга, С.В. О некоторых международно-правовых проблемах обеспечения исполнения международных договоров / С.В. Шульга // Международное публичное и частное право. – 2004. – № 10. – С. 6 – 8.
8. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

9. Лукашук, И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – Т. I: Заключение международных договоров. – 672 с.
10. О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
11. Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. / пер. с итал. Л.П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза; под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Издат. гр. ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 423 – 451.
12. Даниленко, Д.В. Конституционный контроль международных обязательств и пересмотр Конституции во Франции / Д.В. Даниленко // Право и политика. – 2002. – № 12. – С. 33 – 38.
13. Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Издат. гр. ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 665 – 682.
14. Общая теория права: учеб.-метод. компл. для студ. юрид. спец. / сост. и общ. ред. А.Н. Пугачева. – Новополоцк: ПГУ, 2007. – 424 с.
15. Выступления участников конференции в дискуссии // Имплементация норм международного права в национальное законодательство: теория и практика: материалы III междунар. науч.-практ. конф. органов конституционного контроля стран молодой демократии, Минск, 31 мая – 1 июня 2001 г. / Конституционный Суд Республики Беларусь; редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. – Минск, 2001. – С. 66 – 73.
16. О Конституционном Суде Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 30 марта 1994 г. (в ред. Закона от 15 июня 2009 г.) // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
17. Регламент Конституционного Суда Республики Беларусь от 18 сентября 1997 г. № Р-58/97 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

Поступила 29.09.2010

ON THE FORMS OF CONSTITUTIONAL REVIEW IN RELATION TO INTERNATIONAL TREATIES THE REPUBLIC OF BELARUS

N. RAKHANAVA

The author analyzes the forms of testing the constitutionality of the international obligations of the Republic of Belarus, the factors determining the constitutional recognition of specialized constitutional review in this area, and the priorities for future selection or pre-constitutional review. Are justifying the importance of pre-specialized (judicial) constitutional review in respect of international treaties, are studied the legal nature of decisions on the results of monitoring and identifies the need to establish clear legal implications of such a decision by the Constitutional Court of the Republic of Belarus. The article investigates the nature and content of normative legal acts on the expression of State consent to be bound by its international treaty. Introduces the notion of the «ratification law», observed specificity of content and procedure for the adoption of relevant acts, observed specificity of content and procedure for the adoption of relevant acts, generating the need for special-order implementation of supervisory powers in respect of their rules.